

За столетнюю историю «Правды» на её страницах было много публикаций сильных или даже сильнейших по впечатлению на читателя. Но и среди них этот очерк, вышедший 70 лет назад, занимает особое место. Помню, какое потрясение пережил я, сельский мальчишка на Рязанщине, прочитав в правдинском номере от 27 января 1942 года журналистский рассказ о героической гибели в подмосковной деревне Петрищево комсомолки-партизанки, назвавшей себя гитлеровцам на допросе Татьяной. Очерк тоже получил это имя — «Таня».

А вскоре, 18 февраля того же 1942-го, в «Правде» появился очерк «Кто была Таня». Из него вся страна, весь мир узнали настоящее имя героини — Зоя Космодемьянская, школьница из Москвы.

Под обоими очерками была одна подпись: П. Лидов.

Как брат по духу своей героини

Конечно, 70 лет назад, впервые прочитав эту фамилию, я и помыслить не мог, что когда-нибудь посчастливится мне работать в его газете. Что буду листать в отделе кадров «Правды» личное дело Петра Александровича Лидова, беседовать с его вдовой, тоже много лет проработавшей в этой газете, и с дочерью Светланой, бережно хранящей память об отце. А ещё — изучать его письма, дневники, записные книжки, воспоминания товарищей по работе и военной службе.

Это я к тому, что мой рассказ о замечательном журналисте-правдисте Петре Лидове будет строго документальным. Рассказать же о нём, по-моему, просто необходимо для новых поколений наших читателей: такие люди заслужили жизнью своей, чтобы их знали и помнили.

...Годом рождения его значится 1906-й, местом рождения — Харьков. Но родителей своих он не знал. В автобиографии пишет: «Воспитывался первое время в приюте в Харькове и в колонии для подкидышей в с. Липцы Харьковской губернии. Из колонии был взят на воспитание и усыновлён профессором химии Харьковского технологического института А. П. Лидовым».

Вот каким образом он получил фамилию и отчество.

В семье профессора и его жены-врача, у которых недавно умер свой ребенок, его очень любили. Однако в 1919-м приёмный отец умирает, и мальчику приходится идти на работы по найму — на спичечную фабрику, на телефонную станцию технологического

института, а с 1920 года он — курьер в Харьковском губкоме партии. Здесь вступил в комсомол, и здесь же произошло ещё одно, не менее важное для дальнейшей его жизни событие.

Об этом событии в официальных автобиографиях он не упоминает, но жене своей рассказывал не раз: в 1920-м Петя Лидов написал и напечатал первую свою газетную заметку. В Харьков прилетел самолёт, который он увидел впервые в жизни, и нахлынувшее чувство восторга четырнадцатилетний подросток излил на бумаге.

Это стало знаком призвания. Были затем учёба в школе, комсомольская работа, служба в Красной Армии (всё так типично для его поколения!), однако газета притягивала больше всего. И вот в мае 1925-го на I губернском съезде рабселькоров он был рекомендован — выдвинут, как тогда говорили, — на работу в партийном отделе газеты «Харьковский пролетарий».

Когда пишешь о журналисте, заранее зная, чем из опубликованного он в первую очередь для нас интересен, мысленно как-то само собой сопоставляешь его жизнь и поступки, его внутренний мир с жизнью, поступками и внутренним миром той, которую он восславил.

Самое большое моё открытие и, не скрою, величайшая радость — что автор в данном случае достоин своей героини. Он по возрасту мог быть её старшим братом, но главное, оказывается, он брат её по духу.

Что роднит? Чувство долга. Горячая вера в идеалы, во имя которых идёт борьба. Любовь к Родине и готовность отдать за неё свою жизнь. Да вообще, я бы сказал, та нравственная цельность и красота, что свойственны Зое, открываются и в нём, Петре Лидове, чем больше этого человека узнаёшь.

А вся предвоенная его жизнь кажется подготовкой к главным, военным трудам, как вся короткая жизнь Зои по сути была подготовкой к её подвигу.

Если говорить о стороне личной, то и знакомство с рабфаковкой Галей Олейник на дне рождения её подруги в конце 1930-го, а затем женитьба на ней неотделимы от основной жизненной линии. Когда будущая жена первый раз его увидела, то назвала мысленно — солдат: был он в форме и по-солдатски подтянут, потому что служил в красноармейских газетах. А Галя с десяти лет — круглая сирота: отец погиб в Гражданскую, мать умерла, и все шестеро малых, из которых она была старшая, попадают в детский дом.

Впереди же назревала ещё одна война. Великая и грозная, где будет решаться судьба Родины.

— Он мне часто на ушко говорил: будет война,— вспоминала в разговорах со мной Галина Яковлевна Лидова.

Переехав в 1932-м в Москву, оба работают на оборонном заводе. Она — контролёром ОТК, он — в редакции многотиражной газеты. Затем становится редактором знаменитой «Мартеновки» на «Серпе и молоте», откуда летом 1937-го Московский комитет партии направляет его в «Правду».

О сформировавшемся к тому времени внутреннем стержне коммуниста Петра Лидова больше многословных характеристик может сказать один эпизод, зафиксированный в его личном деле. Работая на заводе № 24, он выступает в защиту человека, исключённого по чистке из партии. Судя по всему, выступает он один, за что местная парторганизация объявляет ему выговор.

Подробностей в деле нет, однако Лидов, видимо, не смирился, убеждённый в своей правоте. И через полгода человек этот, по фамилии Михайлов, был в партии восстановлен, а выговор с Лидова снят.

И вот началась война

Война застаёт всю их семью в Минске. Три месяца раньше Пётр Александрович утверждён собственным корреспондентом «Правды» по Белорусской ССР, а 7 июня, после окончания занятий в школе, к нему приезжает жена вместе с обеими дочками. Старшая, Светлана, окончила второй класс. Младшей, Наташе, два года. Поселились пока в гостинице.

Почему канун рокового 22 июня запомнился многим особенно радостным и безмятежным? Пётр и Галина выбрали наконец в театр. Смотрели «В степях Украины», и спектакль им очень понравился. Долго потом гуляли по ночному Минску.

Утром разбудил резкий междугородный звонок. Редакция. Лидов разговаривает односложно: да, нет. Положив трубку, спрашивает жену:

— Где моя военная форма?

Она сразу всё поняла...

Лидов во время войны, военный корреспондент «Правды» Пётр Лидов, — тема настолько большая, что требует целой книги. Я смогу привести тут лишь некоторые штрихи.

Прежде всего надо сказать о его журналистской мобилизованности и активности. Первый свой военный материал он передал в редакцию уже 22 июня. И очень досадовал в дневнике, что появился этот материал на первой странице «Правды» только в номере за 24-е, а не за 23-е. Рвался в Брест, но туда его не пустили.

А потом... «Он вёл потом своеобразный дневник на страницах «Правды»,— вспоминает его товарищ по редакции Александр Дунаевский.— Дневник битвы за Москву. Вёл регулярно, из номера в номер. А когда газета выходила «без Лидова», в редакции раздавались телефонные звонки: «Что с Лидовым?», «Не ранен ли военкор Пётр Лидов?»»

Ну а в каких условиях ему приходилось действовать и как он действовал, расскажет хотя бы такой эпизод из воспоминаний ещё одного правдиста — Оскара Курганова:

«Мне доводилось не раз наблюдать за Лидовым в период его работы под Смоленском в 1941 году. Мы как-то получили телеграмму от редакции: «Написать о лётчиках». Аэродром под Смоленском был в те дни, пожалуй, самым опасным местом на фронте. Лидов всё же поехал туда. Машину не пропускали на аэродром, так как только что закончился налёт вражеской авиации, а к аэродрому пробивались всё новые «юнкерсы». Лидов пошёл пешком. Потом он мне говорил, что этот день показался ему необычайно длинным. В момент, когда Лидов беседовал с лётчиками, снова началась бомбёжка аэродрома. Наши лётчики взлетели в воздух на своих «ишаках», как называли тогда на фронте истребитель «И-16». Лидов остался один на аэродроме. Он лёг на землю, которая сотрясалась от гула взрывов. После, когда всё стихло, он хотел идти к командному пункту, но, должно быть, силы покидали его. Он сел на траву и так сидел минут десять. Потом он встал, взглянул на часы и сказал:

— Надо торопиться в Смоленск — мы не успеем сегодня передать...

Приехав в Смоленск, мы не могли связаться с Москвой — город в эти минуты подвергся налёту немецкой авиации. Мы оказались в это время в городском саду, где увидели щель. Там, сидя на корточках, Лидов написал часть нашей корреспонденции о лётчиках. Потом, когда взрывы немного стихли, он побежал к телефону...»

Конечно, условия работы у всех военных корреспондентов были не сахарные. «Но

всегда,— написал О. Курганов,— выделяется кто-то один — то ли своей смелостью, то ли своей осмотрительностью, то ли умением быстро ориентироваться в обстановке. И тогда этот человек становится неофициальным главой журналистского корпуса. Таким главой был у нас на Западном фронте Лидов».

Не случайно в августе 1941-го именно он летит на месте стрелка-радиста в одном из наших бомбардировщиков дальнего действия, чтобы бомбить фашистские города. И вскоре в «Правде» появляется большая его корреспонденция о дерзком полёте в логово врага.

А некоторое время спустя, тоже не случайно, конечно, он летит к партизанам Белоруссии, совершив затем отчаянно смелый поход в захваченный немцами Минск. Можно представить изумление фашистов, прочитавших в «Правде» очерк «В оккупированном Минске» за подписью Петра Лидова. Сохранилось свидетельство, что один из гитлеровских главарей заявил тогда:

— Не так уж прочно здесь сидим мы, если корреспонденты большевистской «Правды» могут ходить по оккупированному городу, хотя мы думаем, что вырубili большевизм в Белоруссии под корень.

Лидов побывал, кажется, во всех самых трудных и опасных, самых судьбоносных местах войны. Он писал свои очерки, корреспонденции, заметки из Сталинграда и с Курской дуги, с берегов Северского Донца и Днепра, из Чехословацкого корпуса Людвика Свободы, у которого первым из советских журналистов он взял интервью и который позднее скажет о нём: «Пётр Лидов был прекрасный и мужественный человек, воодушевлённый и страстный журналист. Перо в его руках было острым оружием...»

Ценой собственной жизни

Лидов и «Таня», Лидов и Зоя — тоже огромная тема. Также на книгу! Выскажу и попробую обосновать здесь только одну мысль, которую считаю принципиально важной.

Мысль эта состоит из двух частей. Во-первых, Лидов не мог не написать то, что он написал. Во-вторых, написать о Зое так он смог потому, что сам был такой.

Известно, где и при каких обстоятельствах Лидов впервые услышал о происшедшем в Петрищеве. Это было в чудом уцелевшей придорожной избе, недалеко от только что освобождённого нашими войсками Можайска, куда он направлялся. Остановившись

тут на ночёвку, он случайно услышал рассказ старика об отважной юной партизанке, которую повесили немцы.

— Её вешали, а она речь говорила! — несколько раз повторил старик.

Вот что особенно потрясло Лидова. Какая же это должна быть девушка, что за человек?! И хотя утром следующего дня ему передали редакционное задание — срочно побывать в деревне Пушкино, он, выполнив то, что требовалось, устремился в Петрищево.

Он всем существом своим понял: надо обязательно туда ехать и надо будет обязательно писать!

А как Лидов там работал, как написал... Об этом есть немалая литература, и короткий его газетный очерк разобран, что называется, по косточкам. Мне же хочется сказать не о мастерстве журналиста, которое несомненно, а о душе человека. Потому что знаю: при любом, пусть даже ещё более высоком мастерстве не родилось бы Слово столь искренней силы, не будь у автора этой чуткой и отзывчивой, чистой и доброй, этой редкостно красивой души!

Чтобы полнее ощутить её, надо прочесть письма Лидова к жене и дочерям, оказавшимся в далёком Чернолучье под Омском, — письма, проникнутые удивительной нежностью: «Ваш любящий до конца жизни отец».

Надо прочесть лидовские дневники самых страшных военных месяцев. Где, например, среди мыслей о начавшемся немецком наступлении на Вязьму и о положении обречённого города, который они вынуждены покидать, вас пронзит такая запись:

«Думал о судьбе знакомых мне ни в чём не повинных, мирных, хороших людей, о судьбе 12-летней Вали — нашей соседки. Её отец — на фронте, мать — на девятом месяце. Валя — умница, хорошая, воспитанная девочка. Когда я сказал ей: «Ничего, Валя, выживем», она ответила: «Выживем, да не все». Я улыбался ей, но знал, что она-то, наверное, и не выживет. Зная историю Минска, Смоленска и Гомеля, можно было предвидеть и трагедию Вязьмы».

Это он записал 2 октября 41-го. А 6 октября: «Вязьма накануне вечером эвакуирована — учреждениям было предложено покинуть город в 15 минут. (Валя, где ты? Где-нибудь на морозной дороге, среди ночи в поле с беременной матерью бредёшь на восток...)».

У него множество неотложных забот, со всех сторон — удары на его голову, но... он помнит о Вале!

Наверное, вспомнил её и тогда, когда стоял в Петрищеве над разрытой могилой, видя, что повесили немцы... совсем ещё девочку. Всего лет на шесть старше той Вали, да и его Светлана ненамного моложе...

Когда душа всё это вмещает и на всё откликается, только тогда может быть написана «Таня». Так, как она написана.

А начиная работу над вторым очерком — «Кто была Таня» (уже стало известно, что это Зоя Космодемьянская), Лидов записал в дневнике следующее:

«Ещё там, в придорожной избе, слушая рассказ старика, хозяйка сказала: «Неужто всё это правда, неужто бывают такие?» Да, «такие» были, есть и будут. Я хочу рассказать в этом очерке, откуда берутся «такие». Я хочу показать, что не порыв чувств, а большая любовь к Родине, к своему народу помогла Зое совершить подвиг».

Он сумел в своём очерке это показать. И сделал ещё больше: ценой собственной жизни доказал, что такие у нас есть и будут.

Вместе с другом Сергеем Струнниковым, военным фотокорреспондентом «Правды», сделавшим потрясающий снимок истерзанной «Тани», он погибнет при исполнении служебных обязанностей 22 июня 1944 года. Ровно три года спустя после начала войны и меньше чем за год до нашей Победы.

Его публикации о Зое Космодемьянской нашли отклик в сердцах советских людей, и она живёт в памяти народа и сегодня. Рассказы очевидцев, жителей деревни, вызывают потрясение и восхищение мужеством, невероятной силой духа совсем юной нашей соотечественницы.

— Мне не страшно умирать, товарищи, — успела сказать Зоя уже с петлёй на шее.— Это — счастье умереть за свой народ...

И ещё успела крикнуть громким и чистым голосом, обращаясь к стоящим вокруг местным жителям:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придёт!..

На Руси испокон веку великомученики становились святыми. И она стала

великомученицей. То есть в восприятии народа — истинно святой.